

ОБРАЗЫ ПРАВДЫ И КРИВДЫ В СЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ И МИФОЛОГИИ

Тихомиров Сергей Александрович, кандидат филологических наук, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия.

✉ quantor@inbox.ru

В статье описаны некоторые аспекты образов/понятий Правды и Кривды как одного из основных выражений главного этического противопоставления, оппозиции типа доли - недоли. Отмечено, что оба образа/понятия до определенной степени связаны с т.н. «народным христианством» и имеют в своей основе религиозно-дуалистические корни. Наиболее отчётливо образы Правды и Кривды отразились в т.н. «Глубинной» («Голубиной») книге». Средневековая философия и фантазия вносили, таким образом, в историю образов Правды и Кривды своеобразную идею единства, связывая повесть грехопадения с повестью искупления. Общеиндоевропейские истоки образов Правды и Кривды, а также битв между Правдой и Кривдой в славянских представлениях могут быть реконструированы благодаря точному совпадению с аналогичным мотивом спора Правды (др.-инд. sat-ya) с противоположным началом в «Ригведе», сходными мифологическими различиями в других праславянских и индоевропейских источниках. Таким образом, для раннего славянского поэтического и предправового сознания выстраивается ряд совмещенных противопоставлений: Правда и Кривда, правый суд - неправый суд, жизнь - смерть.

Ключевые слова: образ, понятие, Правда, Кривда, противопоставление, оппозиция, доля, недоля, христианство, дуализм, sat-ya, «Ригведа», миф, славянское, сознание, гипербола, феномен, язык.

Отметим, что Правда и Кривда - в славянской мифологии и легендарном сказительстве - одно из основных выражений главного противопоставления, оппозиции типа доли - недоли. По-видимому, оба образа/понятия до определенной степени связаны с т.н. «народным христианством» и имеют в своей основе религиозно-дуалистические корни.

Еще А.Н. Веселовским указано [1] на возможную связь славянских образов Правды и Кривды с т.н. «отреченными» книгами, с легендами богомилов, катаров (патаров), с гностическими и манихейскими практиками.

В понятиях т.н. «Святой Руси» образы Правды и Кривды встречаются в сказках, преданиях и духовных стихах, где они являются выражением главного духовного противоречия, столкновение противоположных начал - Божественного и сатанинского, доброго и злого, света и тьмы, доли и недоли.

Наиболее отчётливо образы Правды и Кривды отразились в т.н. «Глубинной» (или «Голубиной») книге: *Это не два зверя собиралися, / не два лютые собегалися: / Это Правда с Кривдой соходилася, / Промежду*

собой они бились-дрались./ Кривда Правду одолеть хочет; Правда Кривду переспорила. Правда пошла на небеса / ... А Кривда пошла у нас вся по всей земле. Хотя в окончательной редакции этого сюжета в «Голубиной книге» сказалось влияние христианства, не подлежит сомнению, что истоки этого текста восходят к глубокой языческой древности.

Образы Правды и Кривды можно встретить в некоторых славяно-русских крестных сказаниях как несомненно органично родственные нашей литературной старине, это вполне можно заключить из сведений славяно-русских духовных стихов и былин. Так, например, как отмечает Веселовский А.Н.: «у Готфрида из Витербо, в «*Legenda aurea*» и др., последнее из райских деревьев найдено не в Эдеме, а на Ливане; поэтому его могли назвать выросшим на Ливане, ливанским, леванитовым. Это и есть т.н. «леванитов крест»; по общему поверью, на этом именно дереве распяли Христа: и «распеше Христа на дрѣве, иже отъ главы ядамови играѣте», что объясняет известную символику распятия, у подножия которого помещают обыкновенно мертвую голову» [1].

Средневековая философия и фантазия вносили, таким образом, в историю образов Правды и Кривды своеобразную идею единства, связывая повесть грехопадения с повестью искупления, Эдем с Голгофой, делая из дерева, которое было поводом к греху первого человека, орудие его спасения. Глубинный стих, на который мы указывали выше, а точнее - апокрифический текст, легший в основу т.н. «Голубиной книги», вводит в эту онтологическую трактовку новый элемент, очевидно под влиянием иноверных для православного сознания представлений: образ райского дерева, ставшего крестом, данная трактовка переносит с Голгофы на Фавор: на нее выпадает Глубинная книга, «ко честной главе ко Адамовой», «у чудного креста леванитова»; в былинах о смерти Василия Буслаева «пус-та-голова, человечья кость», лежащая на Фавор-горе (или Сорочинской), - это также и Адамова голова, а весь рассказ о смерти в данной части, по-видимому, основан на заключении русского апокрифа о крестном древе, где говорится, что Соломон нашел Адамову голову, которую, по громадной величине (гиперболизированный признак), отрок принял за камень. Василий Буслаев, встретив на дороге пустую голову, пнул ее прочь; она провещилась человеческим голосом и напороочила смерть, которую он и находит, скача вдоль через высокий камень, очутившийся на месте головы [1].

Очень характерно это смешение Голгофы с Фавором в белорусской редакции стиха о Глубинной книге: Христос не только преобразился на Фаворе, но и «на распятьи был»: *И тьякла руда на коренийцу / Со яво руды кора выросла, / И брали кору по вси попам, / По всим попам по поповичам, / По всим царкваи по царковачкам.*

В данном случае мы сталкиваемся со средневековым христианским символизмом на славянской почве, привязанным, по-видимому, к легенде о крестном древе уже в трактовках Тертуллиана и блаженного Августина: кровь Спасителя не только искупляла греховность человечества, но и обрзано смывала грех прародителя, капая на его голову, которая представля-

лась лежащей у подножия креста. Остается неясным только загадочное растение, вырастающее от божественной крови Спасителя. Здесь канва первых редакций духовного стиха, вероятно, либо испорчена, либо изменена, либо дополнена неясной «врезкой», заменившей какое-нибудь другое название. К примеру, в одной греческой легенде о нахождении честного Креста рассказывается, что на месте, где некие евреи умышленно закопали крест Спасителя, выросла трава, «пахучая и врачующая». Это *osimum basilicum*, современный базилик, душики, малороссийские васильки, которые в народной русской (и славянской) обрядности до сих пор связаны с культом креста: их кладут в церквях под распятия, делают их них кропило, откуда, может быть, и одно из старинных названий кропила - *василок*. И в этом смысле их действительно берут «по попам, по поповичам, по церквам, по церковачкам». Как отмечает Веселовский А.Н.: «Это один из хороших образчиков того, как литературное содержание легенды может не только переходить в обряд, но и становиться неотъемлемою принадлежностью народно-поэтических воззрений. Другая сторона народного творчества раскрывается нам в судьбах леванитова креста: я говорю о том явлении, что чем далее в обращении, тем более обезличивается первоначально конкретный образ, исчезает его историческое и местное приурочение, он становится общим местом, из собственного имени нарицательным. В Глубинной книге, в намеках былины о Василье Буслаеве, отношения леванитова креста к Фавору и крестной легенде еще ясны; в отрывках не то былины, не то духовного стиха, напечатанных в сборнике Кириши Данилова «Чуден крест Леванидовский», является как нечто определенное, рядом с глубокими омутами днепровскими и высокими горами Сорочинскими. На Сорочинской же горе (то есть Фаворе) находится он и в былине о Михаиле Потыке. Но уже в стихе о сорока каликах он очутился под Киевом, кругом него становятся калики; с переходом его из духовных стихов в былину он показывается на всех богатырских роستانях; около него на Почай-реке стоят терема Чурилы Оplenковича. Самое значение эпитета до того забыто, что являются даже луга Леванидовы и книга Аеванидова» [1].

Таким образом, т.н. «леванидов крест» утратил всякое специальное значение и стал синонимом креста, т.е. распятия как такового. Ср., например, с тем, что в житии Филиппа Иранского рассказывается про святого, который ехал по реке Выге и, сойдя с плота, «пошелъ въ гору, гдѣ ему ангель Господень исповѣдалъ и благовѣстилъ, къ Леванидову кресту надъ Лужаномъ озеромъ... И створилъ пришествіе к кресту къ Леванидову, и нача ся Христу молити подъ крестомъ Леванидовымъ по благовѣствованію ангела Господня, и преклонь колѣни, и нача ся молити Христу».

Должно полагать, вероятно, что это - простое распятие, возможно с адамовой головой у подножья, заимствованной из древней легенды о райском древе.

Перейдем теперь к образам Правды и Кривды духовного стиха: они отсылают нас к т.н. «отреченной», апокрифической легенде о царе Соломоне.

Некоторые из образов и текстов, например, о птице Страфиле и звере Индрике (инороге), могут быть объяснены лишь после более тщательного изучения с составом данного апокрифа, а также апокрифови духовных стихов интертекстуально «смежных» с ним.

В этом смысле очень интересно содержание вещих снов, вставленных в большую часть редакций Глубинной книги.

1. Сон о Правде и Кривде.

*Возговорил Володимир князь,
Володимир князь Володимирович:
Ой ты гой еси, премудрый царь,
Премудрый царь, Давыд Ессеевич!
Мне ночесь, сударь, мало спалось,
Мне во сне много виделось:
Кабы с той страны со восточной,
А с другой страны с полуденной,
Кабы два зверя собиралися,
Кабы два лютые собегалися,
Промежду собой дрались билися,
Один одного зверь одолет хочет.*

*Возговорил премудрый царь,
Премудрый царь Давыд Ессеевич:
Это не два зверя собиралися,
Не два лютые собегалися,
Это Кривда с Правдой соходилася,
Промежду собой бились-дрались;
Кривда Правду одолет хочет;
Правда Кривду переспорила.
Правда пошла на небеса,
К самому Христу, Царю Небесному;
А Кривда пошла у нас вся по всей земле,
По всей земле по Свет-Русской,
По всему народу христианскому.
От Кривды земля восколебалася.*

В некоторых стихах образы Правды и Кривды в виде зверей предстают перед нами белым и серым зайцем:

*Кабы белой заец, кабы серой заец,
Кабы белой заец одолет хочет?*

*Как бы серой белого приоддел:
Бел пошел во чисто поле,
А сер пошел во темны леса, -*

или вместо них выступают двое юношей, Как отмечает Веселовский А.Н.: «толкование во всех случаях одно и то же; иногда аллегорические образы отсутствуют и во сне представляется» [1]:

*Будто Кривда с Правдой побивалася,
Будто Кривда Правду одолет хочет.*

Аполог о Правде и Кривде встретился уже в сказаниях о Соломоне, и, к примеру, Веселовский А.Н. [1] не раз указывает на его дуалистический характер, на его «связь с иранскими представлениями о святости правды, удалившейся на небо в образе птицы, когда Джемшид позволил себе ложное слово; наконец, на появление его в народных легендах и новеллах, почерпавших свои мотивы в отреченной литературе. Греховная сила Кривды остается царить на земле, которая по понятиям дуалистов находится под властью демона; Правда удалена на небо, в духовное царство доброго бога. Позднее с православной точки зрения первоначально дуалистический смысл аполога был понят иначе: вознесение правды на небо, «к самому Христу, царю Небесному», представляется ее победой; в старинных русских изображениях Страшного Суда можно видеть, как «Правда Кривду стреляет, и Кривда пала со страхом». В апологе соломоновской легенды такое толкование не заметно».

В этом отношении показательно, что в «Беседе трех святителей», составленной во многом по образцу древнейших «Вопросов Иоанна», встречается та же загадка в форме, сохраненной Соломоновским сказанием на славянской почве: «Вопросъ: Что есть бѣль щить, а на бѣль щитѣ заецъ бѣль: и прилетѣ сова и взя зайца, а сама ту саде? Отвѣтъ: Бѣль щить есть свѣтъ, а заецъ правда, а сова кривда».

Заметим, наконец, что романы, сказания и пр. о Мерлине и Соломоне, которые А.В. Веселовский самым подробным образом исследует на предмет (в том числе) апокрифических данных о Соломоне и Китоврасе, также начинается видением о борьбе двух зверей: борются красный и белый драконы, как в указанном выше тексте борются белый и серый заяц; когда один одолел другого, также дается аллегорическое толкование, с тою лишь разницею, что образы Правды и Кривды заменены другими историческими мотивами.

2. Сон о дереве.

Говорит царь Волонтоман (Владимир, Волот и т. д.) Давиду:

Мне царю Волонтоману

Мало спалось, много во сне виделось;

Как в моем ли было зеленом саду

Выросло деревцо сахарное,

Из далеча из чиста поля

Прилетала пташечка малешечка,

*Садилась на деревцо сахарное,
Распущала перья до сырой земли:
Ужь ты можешь ли, царь, про то ведати?*

*Им ответ держал премудрый царь:
- Как тебе царю Волонтоману
Мало спалось, грозно во сне виделось,
В твоём ли было зеленом саду и т.д.*

Собственно, далее по тексту дается аллегорическое толкование сна.

Нужно отметить, что образы Правды и Кривды в сходных мотивах повторяются и в тождественных пословицах разных славянских народов, возводимых к единой общеславянской традиции.

Образы Правды и Кривды можно встретить и русских народных сказках в обработке Афанасьева Александра Николаевича [4].

Противопоставление правды, правоты (и других производных от слав. *pravъ, "правый") и неправоты, кривды пронизывает всю терминологию древнейших славянских предправовых и правовых текстов (типа «Русской Правды», судебника 11 в., само название которого содержит слово «правда» в древнем архаическом предправовом смысле).

Общеиндоевропейские истоки образов Правды и Кривды, а также битв между Правдой и Кривдой в славянских представлениях могут быть реконструированы благодаря точному совпадению с аналогичным мотивом спора Правды (др.-инд. sat-ya) с противоположным началом в «Ригведе», сходными мифологическими различиями в греческом предправе, в т.ч. - в противопоставлении двух Правд - двух Дике в ранней греческой трагедии. Как и в других индоевропейских традициях, различие Правды и Кривды символизировалось в конкретных понятиях правого - левого, прямого - изогнутого (что сказывалось в роли имён, производных от соответствующих обозначений: греч. Лаий как «левый», слав. Крив и т.п.). Соответственно в русской мифологии и культуре, а также в фольклорных текстах сохраняются предправовые формулы типа «даю (правую) руку свою на отсечение», «хоть правую руку отрубить». Противоположные по значению формулы, связанные с Кривдой, сохранены в былевом эпосе: *Как по кривде судить, да быть убитому.*

Сравним образы Правды и Кривды в русских пословицах и поговорках [3]: *Правда в лаптях; а кривда, хоть и в кривых, да в сапогах; Правда у Петра и Павла (где в Москве был застенок, тюрьма – авт.); Правда к Петру и Павлу ушла, а кривда по земле пошла; Пришла правда не от Петра и Павла, а от Воскресения в Кадашах (намек на московскую голову (главу исполнительной власти) Шестова, 1845); За правду Бог и добрые люди; Кто правду хранит, того Бог наградит; Кто правды желает, тому Бог помогает; Кто правого винит, тот сам себя язвит; И твоя правда, и моя правда, и везде правда - а нигде ее нет* (представления о социальной

справедливости и общественном устройстве в России и в мире – доступной славянскому мировидению ойкумене); Суд правый кривого дела не выправит (прибавка: *а кривой суд правое скривит* (о судебной системе)). Сравним: *На деле прав, а на дыбе* (т. е. на пытке) *виноват* или *На деле прав, а на бумаге виноват*.

Таким образом, для раннего славянского поэтического и предправового сознания выстраивается ряд совмещенных противопоставлений: Правда и Кривда, правый суд - неправый суд, жизнь - смерть. При вероятном наличии индоевропейских предправовых истоков (где в древнейшей форме правда обозначалась причастием на *-nt от корня *es, «быть истинным»), ср. рус. «суть», «истинная правда, сущая правда»; др.-инд. *satya-*, хетт., *asant-*, «сущий, истинный»; др.-англ. *sop*, отсюда англ. *sooth* и т.п.) на мифологический сюжет спора Правды и Кривды в славянской и других индоевропейских традициях могли оказать влияние и распространенные в древневосточной литературе (древнеегипетской, хурритской, хеттской и др.) сюжеты, описывающие спор Правды и Кривды и двух людей (часто братьев - доброго и злого (ср. с Каином и Авелем)), воплощающих противоположные начала дуалистического мифа, на что, в частности указывают Иванов В.В. и Топоров В.Н. [2]. Общеиндоевропейские истоки образов Правды и Кривды, а также битв между Правдой и Кривдой в славянских представлениях могут быть реконструированы благодаря точному совпадению с аналогичным мотивом спора Правды (др.-инд. *sat-ya*) с противоположным началом в «Ригведе», сходными мифологическими различиями в других праславянских и индоевропейских источниках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Веселовский, А.Н. Мерлин и Соломон: избранные работы. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс; СПб.: Terra Fantastica, 2001. – С. 212-217.
2. Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов), в кн.: Славянское языкознание, 8-й Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. - М., 1978.
3. Пословицы русского народа. - М.: Художественная литература. В. И. Даль. 1989.
4. Правда и Кривда // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. - М.: Наука, 1984-1985. - (Лит. памятники). Т. 1. - 1984. - С. 152-163.